

Числа. Видение пятое.

Хлебников и **Чижевский** – поэты и учёные, временно постояльцы психушки.

Санитарка – внешне привлекательная, но нарочито вульгарная женщина.

Маркон – жена репрессированного поэта.

Садик во дворе психоневрологического диспансера с песочницей для детей, потом под стук колёс отделение в пустом плацкартном вагоне фирменного поезда «Герасим и Муму» (официально «Тургенев»).

Санитарка. Хлебников! Хоре шляться по песочницам. Вот твой долбаный обед! (Протягивает стопку синего стекла с таблетками и стопку с водой.) Выпил? Гланды покажи! (Хлебников широко раскрывает рот и высовывает язык.) На ужин не опаздывать!

Хлебников (сплёвывая таблетки в песок). Эй, приятель, выходи! Мегера свалила!

Из кустов появляется Чижевский.

Хлебников (зарывая ногой таблетки). Во, глянь, розовая такая пакость.

Чижевский. Согласен, пакость, однако голубенькие вообще отравка. (Задрал голову к небу и сильно прищурился.) Сегодня плохое солнце.

Хлебников. Солнце не может быть плохим, солнце хорошее. Греет. Светит. Вдохновляет.

Чижевский. И всё же плохое. Глянь какие протуберанцы в короне. Быть беде.

Хлебников. Ах, коллега, оставьте ваши ауспиции.

Чижевский. Это вы мне как гаруспик авгуру? Впрочем, вам не интересно знать будущее?

Хлебников. Отнюдь. Наше будущее я узнаю по сосцам кобылицы...

Чижевский. Простите, кого?

Хлебников. Нашей санитарки. В четырнадцатом году в Херсоне я окрестил сборник стихов «Молоком кобылицы». Эх! (Декламирует.)

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю её...

Чижевский. Bravo! Впечатляет. Так что там наша панночка?

Хлебников. Всё просто. Если утром под халатиком возбуждённые сосцы, значит луна на подъёме. Если вместо сосцов просвечивает лифчик, значит месяц на исходе.

Чижевский. Хотите сказать, что циклы совпадают?

Хлебников. Практически, хотя панночка иногда запаздывает.

Чижевский. Поправку на причины запаздывания учитываете?

Хлебников. Пардон! Я только наблюдаю и делаю выводы. Панночку учитывает молодой доктор...

Чижевский. Откуда...

Хлебников. От верблюда! (Смеется.)

Чижевский. А если серьёзно?

Хлебников. Прозекторская. Я там рифмы перебираю в одиночестве. Бывает, что пересекаемся ночами. (Меняя тему.) Так что там на солнце?

Чижевский. Протуберанцы. Плазма. Магнитная буря. Тоже, знаете ли, цикличность.

Хлебников. Как всё сложно! Обратили внимание, что панночка спрятала сосцы? Конец лунного цикла. Таков мой прогноз.

Чижевский. Древний Рим не знал такого оригинального способа гадания.

Хлебников. Это не гадание и не предсказание, а всего лишь прогноз, основанный на эмпирически добытом знании.

Чижевский. Знаете, различие между предсказанием, пророчеством и прогнозом?

Хлебников (обидевшись). Как поэт, я склонен к пророчествам. Через меня вещает мироздание.

Чижевский. Разумеется, мироздание. И всё же, не сочтите за труд выслушать поучение.

Хлебников (всё ещё обиженно). Извольте, коли настаиваете.

Чижевский. К гаданию прибегают тогда только, когда есть проблемная ситуация, типа да или нет. Результат гадания освобождает от ответственности за выбор, и не важно правильный

или нет. Например, доктор не может решить *учесть* сегодня панночку или перенести учёт на завтра. Какой ответ даст ему авгур? На выбор: *да сегодня* или *да, но лучше завтра*. Авгуру побоку откуда и когда, лишь бы клиента зацепить. Птицы вылетают слева и ответ «лучше завтра». Это уже программа, которую клиент принимает. Ему очень хочется сегодня, но карты говорят: «Завтра!» Ну, завтра, так завтра.

Хлебников. А карты тут каким боком?

Чижевский. Какая разница – птицы, орёл или решка, чёрная или красная масть! Главное случайный выбор, который для клиента становится программой, но только после интерпретации авгура. Иное дело пророчество, источник которого не поддается научному описанию. Вот Господь говорит Ионе: иди в Ниневию с проповедью покаяния и неизбежной гибели города за грехи жителей, если раскаяние не будет искренним и скорым. И заметьте: негативные последствия поставлены под условие: *если нет, то да*. Иона сопротивляется изо всех сил даже в чреве кита, но оказавшись в Ниневии он передает пророчество местному властителю. И, о чудо! Пророчество принято! Народ и город спасены! Произошла счастливая перипетия: поскольку *да, то нет!* (Театрально разводит руками одновременно с полупоклоном.)

Хлебников. Кажется, я начинаю понимать вашу игру словами. Если случайность становится программой, обязательной к исполнению, то пророчество исполняется тогда, когда не исполняется. А, каково!

Чижевский. Прелестно! Вы правы: сбывшееся пророчество означает, что негативные последствия не наступили, потому что изменились обстоятельства. Увы, Господь давно не жалуется нас пророками, потому и кровавая юшка на физию не просыхает. Расплодились числогадатели, знаете ли. Пять лет при власти, а уже юбилей с плясками и бубнами!

Хлебников. Как ловко вы нас обоих записали в ленорманы! Слушайте, я обращаюсь к числам, чтобы научно объяснить историю и научно обосновать будущее. И не смотрите, что я поэт – у меня вместо музыки с крылышками железный, последней модели арифмометр «Феликс»!

Чижевский. Не кипятитесь, коллега, мы в психушке, потому что оба верим в числа. Мы не гадалки, мы учёные, хотя и при железных Феликсах. Отсюда научный прогноз, если хотите, есть результат умственного синтеза на основе тщательного анализа.

Хлебников. За дурака меня держите, кол-лега?

Чижевский. Кол-лега! По месту нынешней прописки вы вообще-то псих. Не обижайтесь, потому что я и сам такой. Лучше познакомьте меня с вашей теорией истории. Теперь мне чрезвычайно любопытно. Ну же! Прошу вас, коллега!

Хлебников. Помните, как это там у Гумилёва:

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло...

Чижевский (подхватывает):

Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число!

Санитарка (внезапно). Попался ухлянт паршивый! Кто лекарства не принял?! Власть тут для него старается, меняет валюту на трактора и таблетки, а он по кустам шхерится! (Строго.) Ходь сюды быро. Шире рот! Запивай! Глотай! Глотай, зараза, глотай! Так, теперь гланды покаж! Хоре скалиться! Опоздаете на ужин, ждать не буду. Есть с кем ваши пайки разделить!

Чижевский. С докто... (Спохватившись.) Можно вопрос?

Санитарка (удивлённо). По какому такому случаю?

Чижевский. По деликатному. Покажите нам сосцы.

Санитарка (удивлённо). Тебе какая нужда, лишенец?

Чижевский. Строго в научных целях.

Санитарка. Если подрочить, в саду статуя есть, коли припёрло.

Чижевский (смутившись). Что вы! Мы тут поспорили немного... Вот, судьбу хотим просчитать...

Хлебников. По форме грудей и сосцов определить будет ли вам в жизни простое женское счастье.

Санитарка (сперва опешив, после с шипением). Слухай сюды, псих, не угомонишься, ять-тя стрихнином накормлю вместо пердидола, полгода срать не будешь. ПонЯл?! На ужин не опаздОвать! Психи, мать вашу...

Хлебников (вслед санитарке). Трудный материал, коллега.

Чижевский. Определённо трудный. Так что там с вашей теорией, коллега, поделитесь?

Хлебников. А можно я кратко? Боюсь до ужина не управимся.

Поезд «Тургенев». Плацкартный вагон, отделение на четыре персоны.

Чижевский. Если я всё понял правильно, у вас, коллега, нет систематического университетского образования. Вы безусловно талантливы, но вы – самоучка.

Хлебников. Мне повезло. В Казанском университете я освоил научную методологию, но не дотянул до зубрёжки академического мусора.

Чижевский. Ага! Значит, ваше знание не имеет эмпирической основы – оно интуитивно!

Хлебников. Не скажите! Прозрение чистых законов времени пришло ко мне во время бивака в степи в ночь на первый день весны. Накатило ещё до рассвета. Кстати, знаете, что количество закатов и рассветов в жизни человека ограничено? Закат наступил, а мы уже спим. Рассвет наступил, а мы ещё спим.

Чижевский. Понимаю. Это как наш «Герасим и Муму». Мы глухие, а оно немое. Только мычит и хвостом виляет, как поезд.

Хлебников. Ладно! Вернемся в ту степь. Я забыл дрожать от холода на голой земле, когда разверзлась бездна ночного неба. Ужас ночи стоял кругом, до дрожи. Ужас познания. Нет, не так! Ужас понимания, что по существу нет ни времени, ни пространства. Законы вечности открылись мне.

Чижевский. Хотите сказать, что время не властно над нами? А я вот чувствую, что время властно надо мной, причём не только над телом.

Хлебников. У нас ошибочное представление о времени. Если оно существует, то управляется по собственным законам. Законы времени вне морали. Им всё равно, вы это или я, Пушкин или Гоголь, Ленин или Троцкий. Скажу по секрету время вообще не управляется никакими законами. Оно для вас либо течёт, либо не течёт, а законы так, сами по себе.

Чижевский: Позвольте, коллега, как это понимать?

Хлебников. Парадокс времени. Ему всё равно движется оно или нет. Движение придумано нами и для нас. Оно знаменует наше вмешательство в структуру вечности. Я прозрел в отчаянье – никто не хотел понимать меня! Тогда я напитался решимостью. Я решил обучать племя коней, поработенное людьми. Лучше уж так... Чем в психушку.

Чижевский. Теперь я понимаю, откуда этот образ степной кобылицы с набухшими сосцами.

Хлебников. Кобылица в ночной степи примирила меня с миром людей. Прошлое вдруг стало прозрачным, и простой закон времени осенил всё. Там, где раньше были глухие степи времени, явились стройные многочлены, построенные на тройке и двойке. Явился Закон вселенной! Открылась моя Троя!

Чижевский (как бы про себя). Как мне знаком этот гомеровский пафос – был слеп и вдруг прозрел.

Хлебников. Я не выдумывал эти законы. Я брал живые величины времени. Я раздевался донага. Я соскребал с кожи академический мусор профессорского знания. Я строил уравнения, опираясь на собственный опыт. Скажу вам больше: у пространства каменный показатель степени, он не может быть больше трех, а основание живет без предела. У времени наоборот: основание делается твердыми двойкой и тройкой, в то время как показатель степени живет сложной жизнью, свободной игрой величин.

Чижевский. Да вы настоящий псих, коллега!

Хлебников. От психа слышу! Но у вас есть шанс приблизиться к пониманию.

Чижевский. Я готов! Дай руку мне. О! Как тяжело пожатье каменной твоей десницы.

Хлебников (не замечая иронии). Представьте, число есть чаша, в которую может быть налита жидкость любой величины. Твердые числа являются неподвижными гайками в веренице величин. Величины m и n – подвижные члены снаряда, колеса, рычаги, маховики уравнения...

Чижевский. ...Подвижные члены снаряда противоречат законам баллистики.

Хлебников. Вы точно не конь и уж точно не кобылица. Вы – псих! Жаль, что не догребаете даже до середины чудной реки при лунной погоде. Ну, вот, смотрите: если в первую точку времени умирает жертва, через 33 точки умирает убийца. Три в степени n ! Как это просто! Куликово поле 26 августа 1380 года остановило движение народов Востока на Запад, всех этих гуннов, славян, мадьяр, половцев, печенегов, татар. Остановка случилась через 311 лет плюс 311 лет после того как 24 августа 410 года король вестготов Аларих разрушил Рим. А вот ещё: когда турки взяли Царьград в 1453 году был положен предел древнегреческому тяготению на восток. И...

Чижевский. ...Стоп-топ! Коллега, изложите мне вашу теорию письменно. На слух не воспринимается. Надо бы увидеть глазами.

Хлебников. ...Что же касается царских долгов, то они были признаны Советской Россией через 36 плюс 36 всего 1458 дней после начала Советской власти в ноябре 1917 года, когда их отказались признавать. А Керенский и Миллюков! А разгром Врангеля и Колчака! Мы свидетели векового поединка Востока и Запада. Вы видели-видели, как после удачного выпада окрововлённая шашка внезапно вылетает из рук бойца. Вы видели, как столица через 3 в степени n дней обращается в мусор и золу. Вы видели? Мы видели!

Чижевский. Стоп-топ! Не успеваю следить за паденьем вашей мысли. Оно стремительно, как подломившийся домкрат! Выводы, коллега, выводы? Уставший разум взыскует конечного итогò!

Хлебников. Воистину вам далеко до кобылицы! Извольте, вот вам итогò: 1383 года отделяют паденья государств от их взлётов. 951 год разделяет великие завоевательные походы. Обратите внимание, что 951 есть 317 в третьей степени. Это главное итогò моего прозрения.

Внезапно Чижевский и Хлебников замечают, что под стук колёс со скамьи через проход за беседой внимательно следит молодая женщина.

Хлебников. Эта кобылица похожа на нашу санитарку.

Чижевский. Пожалуй, дурдом неистребим. Он повсюду. Не так ли, *Madame*?

Женщина. Простите. Я не подслушивала. Просто плацкарт не располагает к приватности беседы. Вы так орали, что слышно было даже в сортире. Фарт на любит крика.

Чижевский. Простите, *Madame*, а чем вы промышляете по жизни?

Женщина. Я воровка. А раньше была счастливой женой. А до того анархисткой. В детстве – любимой профессорской дочкой. Вы удовлетворены?

Чижевский. Как величать вас, нежное дитя, природы?

Женщина. Евгения. Просто Женя. Урождённая Маркон. В замужестве сохранила девичью фамилию.

Чижевский. Вот и чудно, Женичка! Муж тоже воровством промышляет?

Маркон. Муж поэт. Сидит в лагере на Соловках. (Приподнимает подол юбки, обнажая протезы обеих ступней.) Воруя, потому что нужно как-то жить.

Чижевский. Что ж, причина уважительная. Мы тут в каком-то смысле тоже поэты. Коллега очнитесь! Засвидетельствуйте, что вы поэт.

Хлебников. Извольте! (Декламирует без эмоций.)

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.

Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

Маркон (Чижевскому). Теперь вы.

Чижевский. (Смутившись.) Пожалуй, я любитель. Однако вам отказать не могу.
(Декламирует.)

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.
И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.
И жизни лик подёрнулся гримасой;
Метался компас, буйствовал народ,
А над Землёй и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.
О ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей,
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

Маркон. Красиво и содержательно. А я помню из стихов мужа всего несколько строк. Вот, например, докрутилось в голове до бессмысленности:

Так пусть же они там про похоть не врут,
Что это де, мол, «очень грязная штучка».
Пойми, никакой добродетельный труд
Не сделал того, что простая случка.

Хлебников. Мне знакома эта пронзительная строфа! Вы жена биокосмиста Ярославского.

Чижевский. За что его?

Маркон. За Есенина. (Декламирует с выражением.)

Точно нищие, пересчитывающие в кружке
То, что к ночи собрать смогли, —
Мёртвого Есенина к мёртвому Пушкину
На Тверской бульвар отнесли.
И не знала толпы громадная задница,
Обозначенная вместо лица,

Что Есенин из гроба ехидно дразнится,
Язык повязывая галстуком мертвеца...
И не знали тусклые, пошлость взвеевая,
Что Есенин Пушкину
Кинул сквозь гам: —
— «Тебя пристрелили, мол,
Александр Сергеевич,
А я —
Повесился сам!...»

Некоторое время попугачики молчат под стук колёс.

Маркон. Александру было бы любопытно поболтать с вами. Он фантаст.

Чижевский. Фантаст?

Маркон. Да, фантаст, что означает большой выдумщик.

Чижевский. Можете проиллюстрировать?

Маркон. Саша придумал, что можно путешествовать к звёздам, оседлав астероиды. На астероидах есть всё – лёд, вода и любые металлы, даже гравитация. В недрах можно выкопать убежище любых размеров. Энергию обеспечит солнце. Еду можно выращивать в почве из фекалий. Имея ракету, можно корректировать маршрут, пересаживаясь с астероида на астероид. Люди станут настоящими аргонавтами вселенной. Межпланетные перелёты станут обыденностью. Тысячи Циолковских устремятся в космос. Саша верит, что в космосе, кроме нас есть и другие разумные существа. Они умнее и мудрее нас.

Хлебников. Творение не может быть умнее и мудрее творца. Это человеческие конструкции, вечность не оперирует ими. Однако идея забавная. Что скажите, коллега?

Чижевский. Идея забавная: сбежать от судьбы на астероиде.

Маркон. А причём тут судьба? Трамвай отрезал мне обе ступни – это по-вашему моя судьба?

Чижевский. Простите. Оказалось, что мы с коллегой работаем в параллельных направлениях. Он посвятил свои исследование поиску законов цикличности исторических процессов. Я же работаю в сфере прогнозирования социальных событий в зависимости от солнечной активности.

Хлебников. Женя, не верьте ему – он псих, мы оба сидим в дурдоме!

Стук колёс внезапно пропадает.

Вновь песочница во дворике психоневрологического диспансера.

Чижевский. Я начинал с изучения периодического влияния Солнца на возникновение и распространение эпидемий. Поверьте, всё вокруг заполнено водородной плазмой из верхнего слоя солнечной короны. Это солнечный ветер. Любое проявление солнечной активности изменяет характеристики солнечного ветра, по сути, межпланетного магнитного поля.

Маркон. А меня учили, что всё вокруг пронизано Святым Духом.

Чижевский. Это как вам будет угодно! Образно говоря, где-то в глубоком подполье человеческой мысли накапливаются наблюдения огромной важности и созревают первоначальные порывы грандиозных обобщений будущего. Мой коллега нашёл число три и всё связывает с ним. Но это только часть мироздания. Я же пытаюсь связать мир астрономических и мир биологических явлений. В глубине человеческого сознания тысячелетиями зреет вера, что эти два мира неразрывно связаны между собой. Вера, постепенно обогащаясь наблюдениями, переходит в знание.

Маркон. Вы прилежно учились Закону Божьему. После смерти, в которую не верит мой муж, вера перейдёт в знание, надежда в обладание, и только любовь останется неизменной. А вы что оставите человеку? Солнечный ветер?

Чижевский. Для живого существует только одна среда — само живое, ибо живое — победитель мертвого. Так нас учили. Получается, что живое как бы само по себе, вне среды существования. Но всё рушится в одно мгновение, когда поражаются стихийные катастрофы и мировые катаклизмы. Когда миллионы человеческих жизней перестают быть, только тогда человек начинает сознавать ничтожество своей физической организации в сравнении с природой.

Хлебников. К чему это вы, кол-лега?

Чижевский. Это я к тому, кол-лега, что в природе нет царей. Поведение социума детерминировано физическими и химическими процессами. Про ветер, в том числе про солнечный, точно подмечено у Экклезиаста: *Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.*

Хлебников. Мудрёно. А если проще?

Чижевский. Активность социума определяется процессами на солнце. В этом смысле человек мало чем отличается от холерных бактерий. Если солнце активизирует поведение бактерий, то оно точно также влияет и на социум. Войны, государственные перевороты и революции зависят от солнечной активности и детерминированы солнечным ветром. Нам только кажется, что это результат неопределённого количества случайностей и чьей-то воли к власти. Увы, нет.

Хлебников. Но, позвольте, у меня всё просчитано на «Феликсе». Арифметические шибки совершенно исключены!

Чижевский. Я не отвергаю вашу теорию, коллега. Однако не стоит доверять «Феликсу», даже в том, что он подлинно железный. Сплавы, знаете ли разные, латунь и всё такое прочее. Процессы на солнце носят циклический характер, и это, несомненно. С точки зрения вашей математической вечности период наблюдения за солнечной активностью ничтожно мал для итогов. Возможно есть корреляции с изобретённым вами, коллега, числом три, но говорить об этом рано.

Хлебников. Но позвольте...

Чижевский. ...И не спорьте, рано! Вот настанет светлое будущее...

Хлебников. ...А когда же?!

Чижевский. ...Да и тогда будет ещё рано. Нужны миллионы лет!..

Хлебников. ...Миллионы лет! А как же мы? Как же я?! Как же умное число и оттенки его смысла?..

Чижевский. ... Катаклизмы в природе и в социуме несомненно связаны с активностью солнца. С чем связана активность солнца нам не ведомо. Как она управляет социумом непонятно, хотя на интуитивном уровне есть предположения. Это они там думают, что низы не хотят, когда верхи не могут и стреляют во всех подряд. Революционеры! А на деле ваш Железный Феликс преставился через пару дней естественным путём после того как из солнечной короны выстрелила пара протуберанцев. И он не один такой, кого коснулся солнечный ветер. Просто нам о них не рассказали. Кто сам ушёл, а кого на сквозняке продуло, или на полигоне стрельнули или в подворотне на перо посадили. Остальные угодили в эпидемию брюшного тифа, и так далее. Мы знаем про одного, а на деле их миллион. Миллионы!

Хлебников. Нас с вами в психушку тоже ветром задуло?

Чижевский. А нас в психушку. Почему бы и нет.

Маркон (превращаясь в санитарку). **Санитарка** (грубо). Эй, болтуны, нары по вам плачут. Лесоповал вам. БаланЫ круглые, а не пердидол на завтрак! (Спохватившись, строго.) Марш в палату! (Далее беззлобно.) Лишенцы, мать вашу... Рифмоплёты... Ухилианты... Психи конченные...

Занавес.